

ИВАН ВОЛОСЮК

НЕСТОЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

* * *

Смерть сама по себе. Что июль ей, что август — без отпуска.
И не то, что на юг, отсыпного — и то не дают.
Но зато куда хочешь проходишь без спросу и пропуска
и везде тебе хлеба отрежут и водки нальют.

И не то что бы рады, — привыкли оказывать почести,
жгут дешёвые свечи и тряпкою моют полы,
но куда ни помотришь — за нею идёт одиночество
да забитые ставни и дома кривые углы.

* * *

Хорошо, что снегами укрыта земля,
что солдат в маскхалате стреляет в меня.

Что отсюда улыбка его не видна,
что я будто бы падаю в погреб без дна.

Что находят живым и везут меня в тыл,
и в больницу заносят меня без бахил.

ВОЛОСЮК Иван Иванович родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Публикации в журналах "Знамя", "Дружба народов", "Волга", "Воздух", "Юность", "Литературная учёба". Участник XII и XV Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живёт в Донецке.

Что хирург, не надеясь на быстрый осмотр,
шьёт пространство и смерть из меня достаёт,

а потом пьёт из термоса кофе и зря,
что забрызгал халат, упрекает меня.

МАТЕРИ

Оживаю для слова: ни жизни, ни смерти не рад,
я ещё не сказал, я ещё не успел, подождите!
но уведят меня в вечный холод и хохот, и смрад,
и пусть я не пожил, вы хотя бы ещё поживите.

Тихий ангел ещё не коснулся чела, я успею
возвратиться туда, где я первые сделал шаги,
где шумела трава и деревья качались быстрее,
где я чувствовал мать, на её засыпая груди.

И не зная ещё языка и законов природы,
я был частью Вселенной, и крохотным сердцем своим
ощущал, как из мрака земли пробиваются всходы,
как зерно умирает и небо рыдает над ним.

Оживаю для слова и временной жизни не знаю.
день сгорает, как спичка, и, падая камнем в постель,
в полусне-полуяви я ясно теперь ощущаю:
до сих пор твои руки качают мою колыбель.

* * *

Максиму Щербакову

Почти одинаковы: род, рать,
деревьями в белых шарфах спать.

Добро с кулаками: под дых, влёт,
нескладного времени кровь, пот.

Потом устаканится: рвань, хлябь,
а в Киеве весело — гробь, грабь.

А если зацепит (февраль — лют),
затянется рана, как льдом пруд.

* * *

За приметами старого быта, такими, как
молоко в пирамидке (картонный четырёхгранник),
уезжаю в провинцию: глушь, духота, тоска
раскалённая, как алюминиевый подстаканник.

Но и здесь живут люди, и вечный офлайн ничто
по сравнению с этим страданием и укором,
но рывается в жизнь, как склоняемое “пальто”,
“непоганый фильмец” и бумажный стакан с попкорном.

И, когда засыпаю, ночных электричек гул —
вездесущему мату подспорье и дополнение.
Нестоличное время, в тебя, как в пожар, шагну.
чтобы вынести слово живым, невредимым, цельным.

* * *

Противлюсь сам, тебя учу тому же
и буду с теми, кто был против нас.
А снег разглажен, будто проутюжен
в последний, может быть, последний раз.

И на меня её наденут тоже —
последнюю рубаху бытия,
но вырвется и улетит, быть может,
душа непостоянная моя.

За то, что видел дальше, поплачусь я,
а близкого и даром не возьму.
И я хотел прославить захолустье,
но не прославил, судя по всему.

Я видел мир в просветы между досок,
чердачной пылью тридцать лет дышал,
Полжизни задавал себе вопросы
и сам на них полжизни отвечал.

И в мире не найдя себе подобных,
я, если говорить начистоту,
противиться готов, чему угодно,
кому угодно — только не Христу.